

Удивительно это: ходить по берегу моря, собирать камни — круглые, как бильярдные шары, продолговатые, как куриные яйца, и всяких других причудливых форм и расцветок. На одном плоском черном камне я увидел чудесное изображение белокрылой чайки. Крапины белого кварца были рассыпаны так искусно, что казалось, здесь не обошлось без рук человека.

Прилетели морские кулички — серые и маленькие. Они зарядом дробы стремительно рассыпались в зоне прибоя, их чуть ли не накрывала волна, но они, поклевав водорослей да мелких рачков, вовремя серым облачком вспорхнули и улетели.

Как дети кричали чайки.

Берег совершенно пуст. Из промокших домов и рыбацких палаток никто не выходит. Четвертый день штормит море, противная морось висит над берегом. А сейчас самый ход кеты. И вот уходит она, а шторм вздымает грозные валы, предупреждая, что путь в море закрыт.

В одной из палаток — оживление, даже песня слышится. Тут у рыбаков сегодня свой праздник, самый большой, может быть. Вчера, когда я уже лег спать, позвонили из поселка Улья из больницы: передайте Федору Лотопову, что его жена родила дочь. Я спросил: «Какой вес?» — «Четыре триста».

Море ухало и взрывалось, слышно было через стенку. Надо же, в такую погоду родилась девочка! Встал, оделся и пошел по холоду в темноту искать палатку Лотопова. Нашел, он спал. Сказал ребятам: разбудите и передайте, пусть не убивается погодой, у него час назад родилась дочка, вес — четыре триста.

И ушел.

...Влажный берег засыпан морской капустой. Я нашел пустую бутылку. Видимо, ее выбросило морем: края доньшка были уже обкатаны галькой. Вырвал из блокнота листок, написал: «Удачи тебе, рыбак». Вложил записку в бутылку и бросил на набегавший гребень волны...

Волна прибоя подкатила к самым моим ногам и хлестнула по ботинкам, следующая была послабее. Я стоял минут десять, дожидаясь еще одного удара, но так больше и не тронула меня волна.

Мокрый от брызг моря и мелкого дождя иду в курибанку. Там у меня сегодня встреча. Иду через высоченные, залатанные в цинк цехи рыбозавода, безлюдные в эти дни. Они похожи на гигантские чудища. Стены их измазаны всякими надписями сезонников: «Привет Трубе», «Люда, Зина, Люся, ждите в гости», «Здесь были восемь бичей и один жмырь». Кто-то самый умный коротко заключил эту информацию: «Дурак, кто писал».

Цехи эти до недавнего времени принадлежали ульинскому рыбозаводу. Затем их передали национальному колхозу «Хулан Эвен». Много лет стояла эвенская

деревня Юдман, но вот уже несколько лет поднимаются в этих местах реки. Наводнения губят и рушат все вокруг. Государство отдало этот поселок колхозу. Он уже переехал. Бывшую контору рыбозавода отдали под правление. Здесь просторно; все довольны: никогда такой конторы в колхозе не было. Сделали в ней и комнату для приезжих, на две койки. Я живу в ней с колхозным засольным мастером. Его посылали учиться на курсы. Приехал, а солить нечего, погода не дает выйти в море. Семья его еще на Юдмане. Когда не было шторма, нельзя было вырваться, перевезти жену и детей — работал, а в шторм нет работы, да не вырвешься. Морем же за ними надо ехать. Председатель колхоза тоже еще не переехал, заворачивает всеми делами заместитель председателя.

Утром я был на капитанском часе — переключке Охотского рыбного порта со всеми рыбозаводами и колхозами побережья. Первой на капитанском часе вызвали Улью.

— Рыбы нет. Рыбы нет! — докладывал директор рыбозавода. — За три дня взяли шестнадцать центнеров.

Одну фразу повторяли в своих докладах и все остальные: «Море нерабочее! Море нерабочее! Рыбы нет, рыбы нет!»

Фраза эта угнетала, подавляла настроение. Где-то море выбросило на берег даже буксир и баржу.

Радист Володя попросил дать погоду на завтра. Глаза его светились надеждой. Ему ответили: море нерабочее, шторм семь-восемь баллов... до девяти.

По поселку бродили в марсианских розово-желтых прорезиненных рыбацких костюмах и зюйдвестках студенты-медики. Ребята пришли в правление колхоза с музыкальными инструментами. Играли Баха.

— Если бы сейчас солнце и ласковое море! — сказал кто-то задумчиво.

Потом, зачехлив инструменты, студенты идут пилить колхозу дрова. Их уводит толстый бригадир в морском кителе, поверх которого надет ватник. Чтобы ребята не расстраивались, он рассказывает им между прочим, как в прошлом году чуть не погиб за рыбацкую идею.

В декабре привалил шторм, нагнал льда, а потом начал его швырять на берег. Десяти-, а то и пятидесятитонные громадины с треском и громом обрушивались на прибрежные камни. Одна из них угодила на контору рыбозавода. Бригадир в это время сидел за столом и считал, сколько осталось выловить жировой селедки, чтобы выполнить план. Передняя стена, в которую ударила льдина, вдавилась внутрь помещения и вместе со столом и стулом придвинула бригадира к задней стене. Хрустнул стул, отлетели уголки от стола. Дальше стена не двинулась, легла наклонно на противоположную.

— Получился шалаш, — смеялся толстяк-бригадир. — А если бы прихлопнула?!

И он увел ребят.

...Курибанка стоит на четырех срубах-колодцах, как избушка на курьих ножках.

Когда разойдется море — ее не смоеет. На крыше курибанки укреплен мощный прожектор, направленный в море. По инструкции курибанам запрещается ночью выходить в море, но они выходят. Здесь ни одну инструкцию полностью на все сто процентов выполнять нельзя, невозможно — море!

Дверь в курибанку открыта настежь, никого в ней нет. На плите греется чайник. В печке трещат и курятся паром сырые поленья.

На центральной стене курибанки цветными мелками изображено южное море. Нежную гладь его бороздят бригантины под косым парусом. На берегу — пальмы, город под ними, а на переднем плане — лицо прекрасной девушки.

Стены в курибанке недавно побелили, а эту не тронули, оставили. Видно, нравится. Я заметил: курибаны — сентиментальный народ. Вообще моряки сен-

timentальны, а они — особенно. Чем рискованнее профессия у человека, тем он сентиментальнее.

Древняя эта профессия доживает, может быть, последний свой век. Там, где выросли порты, есть гавани, профессия курибана стала ненужной. Но не везде есть гавани, не везде пока что есть пристани, а на берегах раскинулись поселки, живут люди... И там курибаны необходимы. Это люди, поддерживающие связь с судами, которые бросают якорь далеко от берега. В любую погоду на лодках-эсабунах выходят они к судам, переправляют людей, нужный груз, почту. Когда нет такой работы, они трудятся грузчиками, береговыми матросами и ждут той минуты, когда море позовет их к себе.

Когда курибаны в шторм выходят на работу, весь поселок высыпает на берег смотреть.

На Охотском побережье курибанов осталось раз-два и обчелся. Человеческий риск сводится до минимума растущей с каждым годом техникой. Но жива еще эта лихая профессия. И люди идут ей служить.

Морской волк — капитан Олег Павлович Руман — привез меня в поселок Центральный и познакомил с курибаном Петром Федоровичем Кушаковым.

— Это черт! — сказал он лаконично. — И ничего он тебе не скажет точно, как я. Но ты разговори его, постарайся.

Вот я и хожу встречаться с Кушаковым, договариваюсь побеседовать. Вчера он не пришел.

Сегодня утром я видел его на берегу с напарником. Разматывали они бухту стального троса, рубили на растяжки. Море гудело и поднималось сумасшедшими волнами. Я отозвал его и спросил не очень тактично:

— Вот в такую погоду смогли бы выйти?

— Посмотреть надо, — сказал он.

Подошел к берегу, долго присматривался к волнам, что-то высчитывал. Потом сказал:

— Есть момент. Перехитрил бы. На простой эсабуне — нет, на рыбацкой — да. И с напарником на другой паре весел. Одному не взять.

У него длинное лицо, русая жесткая мальчишеская челка, чистые голубые глаза и застенчивый взгляд. Он не мог даже говорить от этой застенчивости, задыхался от нее. И разговор получался резкий, отрывистый, тихий. Сутулая фигура его была в движении, а руки — тяжелые, длинные — он не знал куда деть.

Я спросил, почему он не пришел вчера. Он объяснил, что не может себе представить, как это о нем вдруг напишут, и что его берет робость. Как тогда он будет ходить по поселку, смотреть людям в глаза?.. Всю ночь думал, что рассказать о себе, ничего не придумал и поэтому не пришел. Вдобавок жена еще сказала: зачем тебе это, Петр?

Я не нашелся, что ему ответить.

...В курибанку ввалились два парня, принесли ведро картошки, свежую кетину. Один, в зеленом, как у геологов, костюме, резиновых сапогах, при бороде, сел чистить картошку и заворчал:

— Зачем я сюда подался? Что мне, романтика нужна, что ли? Деньги я зарабатывать приехал сюда. А что при такой погоде заработаешь? Штаны последние проешь. Ну на что мне это?

— А кто тебя сюда приглашал? — спросил его спокойно другой, постарше.

— Я сам.

— Ну дак кагись, если не нравится! Мы твоему горю не поможем. — Он сверкнул глазами.

Я узнал его. Как раз с ним Кушаков утром рубил трос на растяжки. Спросил:

— Скажите, будет еще сегодня Петр Федорович?

— Нет, наверное. Он ночь дежурил.

— Но он обещал прийти...

— А вы кто?

Я объяснил.

— Не придет он. Я знаю его. Несколько лет уж с ним курибаним. Не придет. Его премируют, бывало, а он в клуб боится прийти за премией. Стеснительный. Он только моря своего не боится.

Парень с бородкой хихикнул: может, и зарплату он стесняется получать, а?

Собеседник мой не удостоил его вниманием.

...Когда я затемно уходил из курибанки, я кое-что знал о Кушакове.

До курибанства он работал художником, фотографом-портретистом. В войну участвовал в танковых десантах. Как-то под яростным огнем противника танковый десант форсировал морской залив. Кушаков чуть не утонул, раненный в ногу. Не знаю, что запомнилось ему в тот тяжкий час, но он не мог позабыть фантастически неоглядный простор и загадал: вернуться к нему. И много лет спустя, когда у него уже была маленькая дочка, а жена ходила второй, ему захотелось к морю. Так невыносимо захотелось, что никто удержать не смог. Покатил сюда, на Охотское побережье, на разведку.

— Кем хочешь быть? — спросили его в конторе рыбозавода.

— Все равно, только бы на море.

— На море хочешь, а моря не видел... Ну, иди... курибаном.

Конечно, это было подсудное головотяпство, насмешка над человеком. Курибаном ставят только опытных рыбаков-мореходов, и то особо сноровистых.

— Пойду, — сказал он.

Ему понравилось звучное, непонятное слово — «курибан», а иронии в словах начальника отдела кадров он не заметил. Просто он не знал, что такое курибан. Сначала его направили грузчиком в засольный цех. Как раз шла уборка селедки. Потом несколько дней он стоял на оттяжках. Приходили морские буксиры, плашкоуты, кунгасы с рыбой — он крепил их. Потом забирался в трюмы, выкидывал руками рыбу на разделочный плот. Тогда еще не мечтали о рыбонасосах. Работа была нелегкой, но очень приятной и — ответственной. И тут произошло...

Все они сидели в кубрике — бригада из шести человек. Курибанкой служил списанный катер «Бычок». В его тесном прокуренном кубрике на нарах отдыхали дежурные курибаны. На рейде загудел буксир: требовалось вывезти команду на берег. Старший курибан отлучился. Кто-то сквозь дрему сказал:

— Иди, Кушаков, привези ребят.

А он тогда в море еще ни разу не выходил. Побежал, наладил весла на эсабунке, сел в нее, крикнул парню, прогуливающемуся по берегу:

— Толкни-ка!

Он думал, что в море, как в речке.

Парень оттолкнул лодку. Волна подхватила ее, но тут же ушла, и эсабуна присохла к гальке. Кушаков стал ждать, когда волна, вернувшись, вынесет его в море. Она шумно хлынула к берегу, резко развернула эсабуну боком, легко опрокинув ее. Каким-то чудом он успел выскочить из-под эсабунки, перевернул. Снова забрался в лодку, сел на весла. Но, наверное, это было противоестественно: волна снова выбросила его из лодки. Сил больше не было. Море оказалось сильнее его неопытности и солеными ладонями хлестало по его лицу.

И тут подоспел бригадир. Он выхватил его за шиворот из воды, совершенно обессиленного, и закричал:

— Уходи! Сейчас же уходи! Кто тебя просил?!

Вода текла с Кушакова. Он шел домой, и до него еще долго доносилась брань старшего курибана.

Пришел в свой «четвертый». Всех, кто тогда по вербовке приехал на побережье, поселили в старой школе. Берег был пустынен. Несколько домишек — и все. Восемь семей жили в классной комнате с табличкой «4 Б». В других комнатах были другие. Когда знакомились на работе, спрашивали:

— Из какого класса?

— Из «пятого «Б».

— Так это рядом. Я — из «четвертого «А».

— Страшно? — спросила его жена, когда он рассказал, что приключилось с ним.

— Нет, — ответил он.

Ему и в самом деле не было страшно. Нисколько. Было только неловко перед бригадиром.

Быстренько переоделся во все сухое и пошел на берег, желая не то извиниться, не то оправдаться. Бригадир спокойно посмотрел на него, спросил:

— Будешь? Или не будешь?

Бригадиру трудно было подбирать слова. Он был кореец, звали его Сергей-Едрей. Странное имя.

Бригадир хотел спросить: «Не испугался? Хочешь ли остаться в курибанах?»

— Буду, — ответил Кушаков. — Хочу!

И Сергей-Едрей хлопнул его по плечу:

— Будешь... мой учиться. У тебя кровь холодный.

Он хотел сказать, что Кушаков хладнокровен.

...Кушаков стал лучшим курибаном на побережье. Здесь у него выросли дочки. Та, которой было полтора годика, когда приехали, нынче уехала во Владивосток поступать в юридический институт. Вторая, что родилась здесь, учится в медучилище. Сын Сережка ходит в пятый класс. У него отцовская тяга к морю.

...Я вышел из курибанки и пошел к Кушакову. Мне очень хотелось спросить его: что связывает человека когда-то спокойной профессии с этим редким ремеслом постоянного риска?

Меня хорошо приняли в чистом и уютном доме. Маленькая хрупкая жена Кушакова, прислушиваясь к нашему разговору, незлобиво ворчала на мужа:

— Работа... Одних носков не напасешься. От морской воды они прямо горят. А ему ведь больше всех надо. Как ни идет со смены, всегда мокрый... Опять кого-то перевозил...

— Не в носках дело, — сказал Кушаков. — Не жалеи.

Я задал Кушакову свой вопрос.

— Не пойму, — ответил он. — Посылали меня на работу в консервный, где я в два раза больше зарабатывал, а все равно опять сюда же пришел. Как это понять, я не знаю. Тянет — и все.

И принялся рассказывать, как худо они жили здесь в первые годы: вот тут, где дом сейчас его стоит, была тундра. Однажды винт от катера на лошади везли. Упал — так и не вытащили, едва лошадь выбралась. А теперь болота высушили, картошку на бывшем болоте выращивают.

...Он проводил меня по слякотной дороге до самой «гостиницы». Говорил, что климат на побережье меняется: теплее становится на Севере. Пять слов сказал за всю дорогу, а шли мы минут двадцать.

Я лег спать со смешанным, не очень понятным чувством к этому человеку и решил больше ни о чем его не расспрашивать. Я не знал, понял его или нет. Мне казалось: понял. Не скажу, какой образ рисовался мне. Пожалуй, в своих выводах я был прямолинеен в худшем смысле этого слова.

А ночью меня разбудили. Рабочий рыбозавода упал в трюм плашкоута и ударился позвоночником. В местной больнице никакой помощи оказать ему не могли. Позвонили в Охотск. Шторм девять баллов, сильная облачность, ветер.

— Ни вертолет, ни самолет прилететь не могут, отправляем тяжелый морской буксир, через пять часов будет... — сообщили оттуда.

Я пошел к больному. Это был бородач из курибанки. Он лежал на носилках и стонал от невыносимой боли, от малейшего прикосновения к нему. Я подумал: кто вывезет больного, когда придет морской буксир? Дует шелкап. На море такая толчея, что не станет рисковать ни один курибан.

Я спросил об этом врача.

Он пожал плечами.

Едва светало, когда на море появился буксир. Он бросил якорь метрах в двухстах от берега и был едва виден в дрожащей мгле начинающегося рассвета. Дыбились штормовое море. Мощные прожекторы буксира проложили мутные дорожки света к берегу. Дали свет с курибанки. Море, выхваченное светом, бесновалось.

И тут я увидел Кушакова. В красном свитере, маленькой кепочке на голове, он, сутулясь, неся на плече два весла, шел по полосе прожекторов, приучая глаза к свету, и свитер на нем горел ярким пламенем. Эсабуна уже стояла у полосы прибора. Он наладил уключины и тихим своим голосом, удивительно спокойно сказал:

— Несите!

Носилки с больным поставили в эсабуну. Бородач стонал. Кушаков попросил подвернуть края носилок и встал в лодку так, что больной оказался у него между ног. Правую ногу он поставил на перекладину, упершись в нее; левой уперся в дно, присел, спружинив ноги, взялся за весла и, когда огромная волна, разбившись вдребезги, еще катилась к эсабуне, крикнул:

— Вперед!

Четыре курибана с силой вытолкнули его в полосу убегающих волн. Он успел взмахнуть веслами и выскочил на гребень новой, начинающейся волны. А пока та громоздилась, набирая силу, эсабуна преодолела другую, но тут же рухнула в образовавшуюся большую впадину между разъяренных волн. Несколько секунд ее не было видно. Казалось, волны раздавили лодку. Но тут неожиданно вспыхнул красным флагом свитер курибана на высокому гребне новой волны. Мне показалось, что поза курибана в лодке напоминала позу футбольного вратаря, который ждет удара по воротам. Он то и дело оглядывался назад, и в памяти всплыл чей-то рассказ — кажется, жены Кушакова — о том, что муж ее очень любит футбол и, когда они жили на материке, был вратарем районной футбольной команды.

А дальше волны были крупнее, раскаты моря сильнее. Подходить к буксиру было совершенно рискованно. Но лодка продолжала карабкаться по гигантской волне, как по горе, на вершине которой дрейфовал буксир. Лодку могло разбить о его борт вдребезги. Подойти было невозможно. Он подошел. Никто не заметил как. Прожектор с курибанки не доставал до буксира. Свет его рассеивался в мороси и брызгах моря. Луч прожектора с буксира ложился на воду под углом. Мы увидели только, как волна сровняла с бортом буксира борт лодки и Кушаков, точно уловив мгновение, подхватил носилки с больным и подал на палубу. Эсабуна снова исчезла из света прожекторов и появилась уже далеко от буксира — ее отшвырнуло от него раскатом. Кушаков возвращался к берегу.

Обратный путь был опаснее. Накат волн теперь шел по корме, и нужно было беспрестанно оглядываться, чтобы вовремя потабанить или резко рвануться вперед. Каждую секунду волна могла накрыть эсабуну сзади, и тогда только щепки выбросило бы на берег. Кушаков двигался в пучине этих бешеных волн, освещенный

лучами прожектора, то исчезая, то появляясь. И была и не было веры, что сможет он вернуться...

Но вот уже на последнюю волну вскарабкалась эсабуна. Волна, полная ярости, взвилась, кажется, до самого неба, чтобы разбиться о берег вместе с лодкой, но курибаны успели подхватить эсабуну, когда она еще не коснулась гальки, и вытащить ее на берег...

— Черт! — сказал дед Шабуров, старый курибан, всякое видавший на своем веку, но только не такое. — Черт ты, Кушаков! — сказал он еще раз и обнял его.

Кушаков неловко, но дружелюбно высвободился из объятий старика, поглядел на свою эсабуну и, кивнув товарищам, медленно пошел домой.

Я не стал останавливать его. Я даже постарался, чтобы он не увидел меня. Я со стыдом вспоминал свой сегодняшний вопрос к нему: смог бы он выйти вот в такое море? Почему курибанство так держит его?

Утром море стихло.

В десять часов на вечернем капитанском часе сказали, что штормовая погода отменяется...

А на другой день серебристая кета билась в сетях веселых рыбаков, и сноровисто шла работа в огромных цинковых цехах рыбозавода: разделялась рыба. Красная икра оттекала в ситах от тузлука.

Солнце плавилось в спокойной зелени моря. Падали за добычей чайки. Море смиренно и щедро раздаривало свои богатства...

